

Проф. М. КОРНЕЕВА-ПЕТРУЛАН

ЗАМЕТКИ О СИНТАКСИСЕ ~ ПУШКИНА ~

Анализ языка художественных произведений Пушкина, как, впрочем, и других писателей, затрудняется в нашей школе тем, что в распоряжении преподавателя нет достаточного материала по отдельным особенностям языка писателя. Между тем, не общие утверждения о красоте и прочих достоинствах языка писателя, а именно анализ отдельных особенностей языка его произведений поможет учащимся почувствовать писателя и понять его значение. Этот же анализ, прививая учащимся умение сознательно относиться к слову, будет способствовать и общей культуре речи учащихся, т. е. тому, что является одной из главных задач преподавания языка в нашей школе. В настоящей статье и предлагается некоторый материал по употреблению однородных определений и обстоятельств в художественных произведениях Пушкина.

Однородные члены предложения вообще отличаются от других возможных видов осложнения предложения тем, что предоставляют для всех частей речи одинаковые возможности их использования. Поэтому употребление однородных членов в том или другом художественном произведении или у того или другого писателя будет всегда представлять известный в выбор со стороны писателя. Выбор этот может быть обусловлен каким-нибудь специальным заданием писателя, но он может быть и особенностью его общей художественной манеры. В тех случаях, когда писатель почему-либо выдвигает на первое место действия, он будет, волею или неволею, употреблять в числе однородных членов больше глаголов, т. е. однородных сказуемых; при выдвигании предметов он будет больше употреблять существительных, т. е. однородных подлежащих, приложений и дополнений и т. д.; при выдвигании качества отдельных предметов он будет употреблять больше прилагательных, т. е. однородных определений, и, наконец, при выдвигании признаков, качеств и действий, он будет употреблять в числе однородных членов больше наречий, т. е. однородных обстоятельств.

В этом отношении анализ употребления однородных определений и обстоятельств в произведениях Пушкина является весьма показательным:

писатель очень мало выдвигает качества предметов и еще меньше признаки действий. В произведениях Пушкина однородные определения занимают очень мало места, и еще меньше места занимают однородные обстоятельства. Так, в «Евгении Онегине» однородные определения занимают только 12,2% всего имеющегося количества всех однородных членов, а однородные обстоятельства занимают в нем только 4,5%. В «Капитанской дочке» однородные определения и обстоятельства занимают еще меньше места.

Таким образом, рассматриваемые однородные члены являются теми языковыми средствами, которыми писатель пользовался очень скупо, и потому качественный анализ употребления этих членов в произведениях писателя представляет большой интерес: как пользовался писатель теми языковыми средствами, которые он сам так строго ограничил, каков морфологический состав тех и других членов, возможное количество членов в одном соединении, способ соединения членов между собой и, наконец, их употребление; для употребления определений характерным еще, как известно, является их положение относительно определяемого слова.

В произведениях Пушкина однородные определения по своему морфологическому составу представляют в подавляющем большинстве случаев прилагательные («Казак держал под уздцы *прекрасную белую* лошадь». — «Капитанская дочка»); гораздо реже встречаются причастия («*Разгоряченный и взволнованный*, я разболтался». — Там же); сравнительно так же редко встречаются соединения прилагательного с причастием («Река еще не замерзла, и ее *свинцовые* волны грустно чернели в *однообразных* берегах, *покрытых белым* снегом». — Там же); еще реже встречаются определения, выраженные существительными («Впереди стоял комендант, старик *бодрый и высокого роста*. — «Капитанская дочка»; «Входит ко мне человек лет тридцати пяти, смуглый, черноволосый, в *усах, в бороде*. — «Дубровский»). Следовательно, в отношении своего морфологического состава употребление однородных определений в произведениях писателя отличается тем, что среди них относительно мало форм книжной речи (причастий).

По количеству своих членов однородные определения представляют большую часть соединения из двух членов, соединения из большего числа членов встречаются гораздо реже. Чаще всего соединения однородных определений с числом больше двух встречаются в «Евгении Онегине», где они составляют около 15% всего количества имеющихся однородных определений. Употребляются эти соединения, главным образом, как законченные и точные характеристики лиц, явлений и предметов:

«Я старался вообразить себе капитана Микронева, моего будущего начальника, и представляя его *строгим, сердитым стариком*, не знаящим ничего, кроме своей службы, и *готовым* за всякую безделицу сажать меня под арест на хлеб и на воду; Иван Кузьмич, вышедший в офицеры из солдатских детей, был человек *необразованный и простой*, но самый *добрый и честный*» («Капитанская дочка»)

«В первой своей молодости медвежата приводимы были ежедневно в гостию .. Изредка их выводили пред окна барского дома и подкапывали им *порожнюю винную бочку, утыканную гвоздями* ..» «Степан! ступай-ка да срежь мне *хорошенькую, свежую березовую лозу*» («Дубровский»);

«Я знал красавиц *недоступных, холодных, чистых*, как зима; *неумолимых, неподкупных, непостижимых* для ума». «Где *благородное стремление и чувство и мысль молодых, высоких, нежных, удалых?*» («Евгений Онегин»).

По характеру членов среди однородных определений встречается чаще всего бессоюзное соединение. Объясняется это, с одной стороны, тем, что среди этих определений имеется много разнородных определений, т. е. определений, рисующих предмет с разных сторон («На стене висела вилловка и *высокая казачья шляпка*». — «Капитанская дочка»), а, с другой стороны, тем, что писатель часто подчеркивает отсутствием союза перечисление членов (при бессоюзном соединении перечисление при однородных членах становится более заметным, ср. «...*угрюмый, томный* в гостиных появлялся он» («Евгений Онегин»). Из союзов чаще всего встречается союз *и*, другие союзы (*а, но, или*) встречаются реже, т. е. имеется чаще соединение признаков, а не противопоставление или разделение их. В отдельных случаях встречается подчеркивание лексического значения каждого из определений повторением при каждом из них какого-нибудь слова, не имеющего самостоятельного лексического значения (т. е. местоимения или союза, предлога, частицы): «Кто-б смел искать *девочки нежной в сей величавой, в сей небрежной* законодательнице зал?» («Евгений Онегин»). «Я негой наслажусь на воле с *венецианкою милой, то ворливой, то немой*» («Евгений Онегин»). Встречается также и повторение при каждом из определений какого-нибудь слова, имеющего самостоятельное лексическое значение, но в этих случаях подчеркивается значение не определений, а повторяемого слова. «Воображение ее было поражено: она видела мертвого медведя и Дефоржа, *спокойно стоящего* над ним и *спокойно* с нею *разговаривающего*» («Дубровский»).

По месту относительно определяемого слова однородные определения в произведениях Пушкина могут быть разделены на три группы: 1) стоящие впереди определяемого слова («Отправьте их в Оренбург, если дорога еще свободна, или в *отдаленную, более надежную крепость*». — «Капитанская дочка»); 2) стоящие позади определяемого слова («Я не мог не сожалеть о слабости почтенного воина, который, наперекор собственному убеждению, решился следовать мнениям людей *несведущих и неотчетливых*. — Там же); 3) стоящие по обеим сторонам определяемого слова («На нем был *красивый казачий кафтан, обшитый галунными*». — Там же). В огромном большинстве случаев однородные определения стоят впереди определяемого слова, если не считать из рассматриваемых произведений «Евгения Онегина», в котором благодаря его форме имеется более свободное положение определений. Среди определений, стоящих позади определяемого слова, чаще всего встречаются причастия, но, кроме них, встречаются также и прилагательные. Среди этих последних имеется часть так называемых предикативных определений, т. е. определений, тяготеющих известным образом к сказуемому и потому более самостоятельных по отношению к определяемому ими слову («Сосед мой, молодой *казак, стройный и красивый*, налил мне стакан простого вина...» «В эту минуту послышался легкий шум и из-за шкала явилась Палаша, *бледная и трепещущая*». — «Капитанская дочка»), и часть, положение которых определяется значением определяемого ими слова. К ним принадлежат:

а) определения, относящиеся к местоимениям («Я показал письмо Марье Ивановне, которая нашла его *столь убедительным и трогательным*, что не сомневалась в успехе его...»; «...Он присутствовал при казни Пугачева, который узнал его в толпе и кивнул ему головой, которая через минуту, *мертвая и окровавленная*, была показана народу». — «Капитанская дочка»); б) определения, относящиеся к словам, лексическое значение которых в данном предложении более значимо, нежели признаки, указываемые ими («Дубровский не имел опытности в делах тяжбленных. Он руководствовался большею частью здравым смыслом, *путеводителем, редко верным и почти всегда недостаточным*. — «Дубровский»).

Однородные определения, стоящие по обеим сторонам определяемого слова, состоят большею частью из прилагательных и причастий, причем обычно прилагательное стоит впереди определяемого слова, а причастие после него («Я велел ехать к коменданту, и через минуту кибитка остановилась перед *деревянным домиком, выстроенным на высоком месте...*». «Я вошел в *чистенькую комнату, убранную по-старинному...*». «Ему подвели *белого коня, украшенного богатой сбруей*». — «Капитанская дочка»).

По своему употреблению рассматриваемые определения встречаются большей частью при характеристике персонажей. Обыкновенно чаще всего встречаются определения общего внешнего облика и общих внутренних качеств, т. е. чаще даются черты, характеризующие более общие признаки. Иногда члены одного и того же словосочетания представляют разные определения («Теперь же *добрый и простой отец семейства холостой*». — «Евгений Онегин»).

Определение общего внешнего вида: «В эту минуту вошел урядник, *молодой и статный казак*. «Марья Ивановна явилась к ужину, *бледная и заплаканная*. «Я встал у него одного из городских чиновников, помнится, директора таможни, *толстого и румяного старичка* в глазетовом кафтане». «Один из них, *тщедушный и сгорбленный старичок, с седой бородой*, не имел в себе ничего замечательного». «На полу в *крестьянском оборванном* платье сидела Марья Ивановна, *бледная, худая, с растрепанными волосами*. «Один из них был старик чуваш, другой — русский крестьянин, *сильный и здоровый малый, лет двадцати*» («Капитанская дочка»). «В эту минуту в залу вошел, наслу передвигая ноги, старик *высокого роста, бледный худой, в талате и колпаке*. «Исправник, *высокий и толстый мужчина, лет пятидесяти с красным лицом и в усах*, увидя приближающегося Дубровского, крикнул и произнес «хриплым голосом...». «Окончив дело благополучно, хотел он тотчас же донести о том Марье Кириловне, как вдруг рыжий и полуборванный мальчишка мелькнул из-за беседки...». «В уборной барышни, перед зеркалом, дама, окруженная служанками, убирала бледную, неподвижную Марью Кириловну» («Дубровский»). «Бледная, как тень, с утра *одега, Татьяна ждет...*» «И утренняя луны *бледней, и трепетней* голимой лани, она темнеющих очей не подымает...» «Навстречу бедного певца прыгнула Оленька с крыльца, *подобно ветреной надежде, резва, беспечна, весела...*» «Один под ним, седой и хилый, пастух пошрежнему поет...» «Княгиня перед ним одна сидит *неубрана бледна*» («Евгений Онегин»).

Определение общих качеств: «...Завтра же поезжай в Белогорскую крепость, где ты будешь в команде капитана Миронова, *доброго и честного человека*». «Я в ней нашел *благоразумную и чувствительную* девушку». «От шесен разговор обратился к стихотворцам, и комендант

заметил, что все они *беспутные и горькие пьяницы*. «*Милая, добрая Марья Ивановна*», — сказал я ей». «Какую участь готовил ей *бессовестный и развратный человек*» («Капитанская дочка»). «Опроду не выезжал он на охоту без *Дубровского, опытного и тонкого ценителя псовых достоинств...*». «Все взоры обратились на *Анну Савишну Глебову, довольно простую вдову, всеми любимую за добрый и веселый нрав...*». «Представьте ему весь ужас будущего, вступу молодость, увядающую близ хилого и развратного старика» («Дубровский»). «*Онегин был, по мнению многих (судей решительных и строгих), ученый малый по педагог.*». «Не дай остыть душе поэта...». «И наконец окаменеть. среди *бездушных гордецов, среди блистательных глупцов, среди лукавых, малодушных, шальных, балованных детей, злодеев и смешных и скучных, тупых, привязчивых судей*» («Евгений Онегин»).

Определения отдельных черт: «*Вошел в биллиардную, усами*». «*В черной бороде его показывалась проседь*». «*Живые большие усами*». «*В черной бороде его показывалась проседь*». «*Живые большие глаза так и бегали; лицо его имело выражение довольно приятное, но плутовское*». «*Дверь отворилась, и ко мне вошел молодой офицер невысокого роста с лицом смуглым и отменно некрасивым*» («Капитанская дочка»). «*Не знаю почернели-ль у него волосы — а тогда он был *кудрявый белокуренный мальчик**». «*Антон Пафнутьевич Синицын, толстый мужчина, лет 50-ти, с круглым и рябым лицом, украшенным тройным подбородком, явился в столовую*» («Дубровский»). «...*Вашкирец застал слабым, умоляющим голосом*. «*Вдруг услышал я милый знакомый голос*. «*Он медленно подынял голову, взглянул на меня и произнес слабым невнятным голосом*. «*Он повторил обвинения свои слабым, но смелым голосом*» («Капитанская дочка»). «*Благодарю вас, сказал он ей тихим и печальным голосом*» («Дубровский»).

Характеристики лиц, являющиеся результатом употребления рассматриваемых определений, получают иногда значения портретов. При этом обычно имеется или увеличение числа определений, относящихся к данному лицу, или наличие рассматриваемых определений при нескольких чертах, относящихся к данному лицу:

«*Тут вошла девушка лет осьмнадцати, *круглолицая, румяная, со светлорусыми волосами, зачесанными за уши, которые у нее так и горели**» («Капитанская дочка»). «*Густая рыжая борода, серые сверкающие глаза, нос без ноздрей и красноватые пятна на лбу и на щеках придавали его рябому, широкому лицу выражение неизъяснимое*» (там же).

«*Блистательна, полуводушна, смычку волшебному послушна, голою нимф окружена, стоит Истомина*» («Евгений Онегин»).

«*Дика, печальна, молчалива, как лань лесная боязлива, она в семье своей родной казалась девочкой чужой*» (там же).

В отдельных случаях встречаются характеристики лиц, создаваемые повторением каких-нибудь их черт. Обычно эти черты характеризуют данное лицо при какой-нибудь определенной обстановке. Так, в «Капитанской дочке» Марья Ивановна при наплыве чувств характеризуется как *бледная, заплаканная, трепещущая*; молодой Дубровский при свиданиях с Машей характеризуется как человек с *тихим, печальным голосом*, хотя в других случаях отмечается именно его звучный голос:

«*Марья Ивановна явилась к ужину *бледная и заплаканная**. «*Маша бледная и трепещущая подошла к Ивану Кузьмичу, стала на колени и поклонилась в землю*. «*Я привел к ним Марью Ивановну, бледную и трепещущую*. «*Нас благословили*».

«Благодарю вас, сказал он ей *тихим и печальным голосом*». «Если когда-нибудь, — сказал он ей *нежным и трогательным голосом*, — если когда-нибудь несчастье вас постигнет». «Я все знаю, сказал он ей *тихим и печальным голосом*». (Ср. определение голоса Дубровского при встрече с судейскими чиновниками: «Речь молодого Дубровского, его *звучный голос* и величественный вид произвели желаемое действие»).

Определение предметов и явлений встречается гораздо реже, чем определение лиц. Среди определений предметов чаще всего встречается определение внешнего вида предметов: его цвета, формы, размера, материала, состояния, — словом всех тех черт предмета, которые могут быть восприняты зрением:

«*Старый полинялый мундир* напоминал война времен Анны Ивановны». «У ворот увидел я *старую чугунную пушку*». «И с этим словом он вынул из кармана длинный вязаный кошелек, полный серебра» («Капитанская дочка»). «На одном из них, ...возвышалась зеленая кровля и бельведер *огромного надменного дома*». «Березки, которые при нем только что были насажены около забора, выросли и стали *высокими, ветвистыми деревьями*». «Перед домом *растлился овалный густозеленый луг*» («Дубровский»). «В *сутробах снежных* перед нею шумит, клубит волной своею *кипучей, темной и седой* поток, не скованный зимой»; но вдруг *супроб зашумелся*, и кто ж из-под него *явился? — Большой взъерошенный медведь*». «На *кляче тощей* и *косматой* сидит *форейтор борогатый*» («Евгений Онегин»).

Определения качества предмета встречаются гораздо реже, нежели определения его вида, и еще реже встречаются определения принадлежности предмета.

«Я показал письмо Марье Ивановне, которая нашла его столь *убедительным и трогательным*, что не сомневалась в успехе его». «Где же была хозяйка этой *смирной девической кельи*» («Капитанская дочка»); «В избе холодной *высокопарный, но голодный* для виду *преискурянт* лежит». «Она *преда, как ландыш потаенный, незисаемый*, в траве *глухой* ни *мотыльками*, ни *пчелой*» («Евгений Онегин»).

Среди определений наиболее обычным является определение качества явлений:

«Неожиданные происшествия, имевшие важное влияние на всю мою жизнь, дали вдруг моей душе *сильное и благое* потрясение». С грустью разлуки *сливались* во мне и *неясные, но сладостные надежды*» («Капитанская дочка»). «Дом его *всегда* был *полон* гостями, *готовыми* *тешить* его *барскую* *праздность*, *разделяя* *шумные*, а *иногда и буйные его увеселения*». «Она *радовалась* его *ранним* *способностям* и *предрекала* для него *счастливую и блестящую* *будущность*» («Дубровский»). «Кто ей *внушал* *умильный вздор*, *безумный сердца разговор* и *увлекательный и нежный?*» «И в *сладостный безгрезный сон* душою *попружился* он» («Евгений Онегин»).

Еще реже, чем однородные определения, встречаются в произведениях Пушкина однородные обстоятельства. Только в «Евгении Онегине» они занимают немного больше 4% всего имеющегося количества однородных членов, в других же произведениях количество их не достигает и этой

цифры. Характерным в употреблении их является большое использование поэтом выражений разговорной речи. Среди них часто встречаются соединения, стоящие уже на пути к переходу в самостоятельные выражения: *Зимой и летом, дня на два, на три, вдоль и поперек, здесь и там, сна-*

Рис. худож. Соколова

Татьяна

ружи и внутри, ни слуху ни духу. Много также среди них и таких соединений, которые стали самостоятельными выражениями, так как члены их потеряли свое самостоятельное лексическое значение: *ни свет ни заря, волею или неволею, рано или поздно, ходить взад и вперед, не в суд и не в осуждение, посадить на хлеб и на воду.*

По своему морфологическому составу рассматриваемые обстоятельства в огромном большинстве случаев представляют наречия, а существительные встречаются среди них редко. По значению своих членов они пред-

ставляют чаще всего соединения из двух членов. Только в сравнительно редких случаях встречаются соединения, состоящие из большего количества членов: «В дуэлях классик и педант, любил методу он из чувства, и человека растянуть он позволял не как-нибудь, но в строгих правилах искусства, по всем преданьям старины» («Евгений Онегин»).

Из союзов, соединяющих члены рассматриваемых обстоятельств, чаще всего встречаем союз *и*. Но еще чаще мы находим бессоюзные соединения.

В отдельных случаях подчеркивается лексическое значение, рассматриваемых обстоятельств посредством повторения при каждом члене какого-нибудь слова, не имеющего самостоятельного лексического значения.

Бывало он грунил забавно,
Умел морочить дурака
И умного дурачил славно
Иль явно, иль исподтишка («Евгений Онегин»).

По своим лексическим значениям рассматриваемые обстоятельства представляют в большинстве случаев обозначения качества действия: «Я последовал его совету *и*, поужинав с большим аппетитом, заснул на голом полу, утомленный *душевно и физически*» («Капитанская дочка»). «С крестьянами и дворовыми обходился он *строго и своенравно*» («Дубровский»). Это лексическое значение занимает в произведениях Пушкина обычно больше половины всего имеющегося количества однородных обстоятельств. Реже и не во всех произведениях встречаются обстоятельства времени и места действия: «Давно, давно стараетесь избавить наш край от разбойников» («Дубровский»). «И *поздно, поздно* вслед за ним летит горячность молодая». «И *скоро, скоро* бури след в душе моей всем утихает» («Евгений Онегин»).

Таково употребление однородных определений и обстоятельств в произведениях Пушкина.

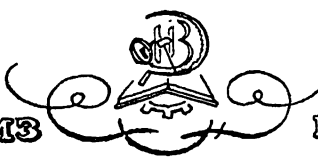
ЖУРНАЛ „РУССКИЙ ЯЗЫК В ШКОЛЕ“

СТИЛЬ И ЯЗЫК
А. С. ПУШКИНА

(1837 - 1937)

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ПРОФ. К. А. АЛАВЕРДОВА

УЧПЕДГИЗ МОСКВА
1 9 3 7